
Неизвестный Ре-Ми

Лариса Вульфина

Деятельность Николая Ремизова за рубежом, известного в России как ведущего художника журнала «Сатирикон», трудившегося под псевдонимом Ре-Ми, не исчерпывалась областью только сатиры. Каждый из этапов творческого пути, будь то карикатура, книжная иллюстрация, живопись, интерьерный дизайн, архитектурное проектирование или работа в кино (оформление более тридцати голливудских фильмов), заслуживает сегодня отдельного внимательного изучения. В настоящем исследовании, базирующемся на документах архива Университета Южной Калифорнии*, материалах американской и русской эмигрантской периодики, а также других источников, делается попытка подробнее рассмотреть первые годы жизни Ре-Ми в эмиграции (1920–1925), высветить его нью-йоркский период, когда художник использовал русский фольклор как первооснову своей живописи.

Ключевые слова: Николай Ремизов, Ре-Ми, «Сатирикон», «Летучая мышь», Н. Балиев, С. Судейкин, декорации, «Петрушка», эмиграция.

Сегодня несомненным является тот факт, что в последние десятилетия интерес к художникам зарубежной России, составившим феномен русской послереволюционной эмиграции на Североамериканском континенте, неизменно возрастает. Вклад многих ее представителей в культуру США (Н. Рериха, С. Судейкина, А. Маневича, С. Конёнкова, Б. Анисфельда, Н. Фешина, Б. Григорьева и других мастеров) уже справедливо оценен. Все эти яркие «беспокойные» имена еще в 1928 году были названы и охарактеризованы Давидом Бурлюком в книге «Русские художники в Америке»¹. Но почему-то до сих пор ни в зарубежных исследованиях, ни в историографии российской эмиграции «первой волны» не занял должного места еще один наш соотечественник – Николай Владимирович Ремизов (1887–1975). Между тем искусство русского зарубежья не может быть полно представлено без имени художника, сыгравшего не только заметную роль в культурной жизни Америки прошлого столетия, но и формировавшего в значительной степени художественную картину XX века в Новом Свете.

* Архив Н.В. Ремизова (Nicolas Remisoff papers, Collection № 0199, Special Collections), хранящийся в Университете Южной Калифорнии (University of Southern California /USC/), обозначается в статье так: Nicolas Remisoff papers. USC Libraries.

Когда изучаешь биографию и наследие Николая Ремизова, кажется на первый взгляд, что заграничная судьба художника сложилась счастливо. Его «русский стиль» оказался широко востребованным в США, и его имя не было обойдено вниманием благосклонной к нему американской интеллектуальной среды. В двадцатые годы русский художник, в короткий срок успешно преодолевший барьер интеграции в иную культуру, пользовался в Америке, по словам современников, «не меньшей известностью, чем Марк Шагал»². Среди выходцев из России Николай Ремизов был известен и как один из самых успешных сценографов XX столетия. Поистине знаменитым сделал нашего соотечественника в 1938 году спектакль «Фауст», над постановкой которого он работал в Лос-Анджелесе вместе с легендарным режиссером Максом Рейнгардтом³. За период с 1924 по 1943 год Ремизовым были созданы декорации и костюмы к 29 балетным постановкам, хореографами которых выступали знаменитые Давид Лишин, Адольф Больм, Рут Пейдж⁴. В костюмах, созданных Ре-Ми, танцевали Анна Павлова и Тамара Карсавина. Справедливым является мнение крупнейшего знатока театрального искусства Н.Д. Лобанова-Ростовского – оценивая роль русских художников в западном искусстве, он писал: «...их (Н. Ремизова и С. Судейкина. – Л.В.) вклад в американскую сценографию и моду трудно переоценить»⁵. В источниках же советского периода имя Н.В. Ремизова не было включено в плеяду блистательных мастеров Серебряного века, интерес к нему на родине был утрачен сразу после его отъезда (в 1918 году Н. Ремизов из Петрограда перебрался на юг России, в 1920-м прибыл, через Константинополь, в Париж, в 1922 году приехал в США). Его имя упоминалось лишь в общих трудах по русской графике начала XX века и книгах, посвященных художникам-сатирикам или творчеству писателя Аркадия Аверченко, с которым Ремизов долгие годы дружил и сотрудничал⁶.

Советскому читателю Ре-Ми был прежде всего известен как иллюстратор сказки К.И. Чуковского «Крокодил», впервые опубликованной с его рисунками в 1919 году, а также как карикатурист, работавший в петербургских юмористических журналах, самыми популярными среди которых были «Стрекоза» и «Сатирикон» (позже, в 1913–1918 годах – «Новый Сатирикон»). Фамилия Ремизов – это сценическая фамилия отца, артиста Санкт-Петербургского Императорского театра Владимира Сергеевича Васильева (1847–1908). Сестра Николая Анна, единственная художница-сатирик дореволюционной России, была известна под псевдонимом «Мисс»⁷. (Ил. 1.) Несмотря на «закулисное» детство, с актерской профессией ни Николай, ни его сестра судьбу не связали, их больше увлекало рисование. Поэтому по окончании обязательного семилетнего курса в Петербургском частном реальном училище Н.В. Богинского⁸ он поступил в Императорскую Академию художеств, где проучился с 1908 по 1916 год на живописном отделении в мастерской Д.Н. Кардовского. В это же время мастерскую посещали известные впоследствии художники Александр Яков-

лев, Василий Шухаев, Николай Радлов. Еще в годы учебы увлечение карикатурой «вывело» начинающего художника на М.Г. Корнфельда, редактора юмористического издания «Стрекоза». Он пригласил Николая Ремизова к сотрудничеству в журнале, на страницах которого впервые появились рисунки одаренного карикатуриста. В дальнейшем судьба свяжет семьи Ремизова и Корнфельда многолетней дружбой в эмиграции.

В 1908 году, после реорганизации «Стрекозы» в «Сатирикон», Н. Ремизов, вместе с художниками А. Яковлевым, А. Радаковым, писателями-сатириками А. Аверченко, А. Буховым, поэтом С. Чёрным, стал одним из ведущих сотрудников и главным художником журнала. Именно с участием в «Сатириконе», а потом и в «Новом Сатириконе», было связано становление Ре-Ми как мастера сатиры в графике и живописи. Замечательное сатириконское окружение способствовало расцвету таланта и мастерства художника. Здесь им было исполнено наибольшее количество рисунков, меткие иллюстрации Ре-Ми появлялись в каждом номере на протяжении целого десятилетия (1908–1918). «Я лично не знаю ни одного художника-сатирика, ни у нас, ни за рубежом, ни раньше, ни позже, мастерство которого можно было бы поставить выше мастерства Ре-ми...» – писал о Николае Ремизове его современник, художник Борис Ефимов⁹.

Красноречивую оценку давал молодому «сатириконцу» и видный художественный критик того времени барон Н.Н. Врангель: «Яркими штрихами, с огромной наблюдательностью, размашисто и нарочито-небрежно или, наоборот, безукоризненно-тонко, он выразительно и выпукло характеризует жизнь сквозь призму смехотворства... Ре-Ми понимает не только прелесть штриха, но и красоту “цвета”; раскрашенные им иллюстрации обладают огромными чисто декоративными достоинствами... Ре-Ми всегда – правда жизни, рассказанная зорким и веселым балагуром»¹⁰.

Ил. 1. Н.В. Ремизов. Портрет сестры, художницы А.В. Ремизовой (Мисс). Без даты. Холст, масло. 46х38. Херсонский областной художественный музей им. А.А. Шовкуненко

Современники особенно выделяли в начинающем художнике талант сатирика-обличителя. «Художник Ре-Ми – типичный художник-сатирик. “Обидный художник”, как называл его художественный критик Ал. Бенуа. В нем совершенно отсутствуют добродушный юмор, добродушная ироническая насмешка... Вместо добродушия в его рисунках злость и ядовитая насмешка. Его мироощущение в противоположность юмористическому было чисто сатирическое. Он не щадил своих героев. Он был прокурор. Он не верил, что даже в отрицательном типе могут найтись положительные стороны, как верит юморист... Ре-Ми очень тонко чувствовал мещанство, убожество людей, мещанскую обстановку, мещанский тип. Наблюдательность у него была развита очень сильно. Даже вещи у него были характерны и имели свое бытовое лицо. Положительные типы, так же, как и положительная героиня, ему не удавались...» – таким описал своего коллегу Алексей Радаков¹¹. В стремлении видеть во всем смешное, насмехаться над всем, даже в трагических сюжетах, укорял Ре-Ми и К.С. Петров-Водкин. «Это разбивает впечатление от сюжета!» – эмоционально сетовал художник-романтик. На что Ре-Ми невозмутимо парировал: «Я бы не был карикатуристом, если бы видел факты жизни иначе. Бытовые явления жизни очень сложны, и в трагическом есть комическое, и в комическом есть трагическое»¹².

Внешность «замечательного карикатуриста с милым, нелепым, курносим лицом» (таким видел Ре-Ми К.И. Чуковский¹³) никак не соответствовала беспощадности его стиля, в которой его многие упрекали. Представить Ре-Ми сатириконского периода можно благодаря портрету И.Е. Репина (1917, Музей-квартира И.И. Бродского, Санкт-Петербург), ценившего ремизовские шаржи и запечатлевшего художника с ироничной улыбкой, насмешливым и одновременно грустным взглядом. Личность Ре-Ми становится понятнее, когда знакомишься с литературным портретом художника, составленным его другом Аркадием Аверченко. «Я не встречал человека рассудительнее, осмотrierнее и осведомленнее его. Этот юноша все видел, все знает – ни природа, ни техника не являются для него книгой тайн. Ему 25 лет, но по спокойному достоинству его манер и мудрости суждений – ему можно дать 50... Все у него зашито, прилажено, манжеты аккуратно высовываются из рукавов, не прячась внутрь и не вылезая за четверть аршина, воротничок рассудительно подпирает щеки и шея подвязана настоящим галстуком...»¹⁴

Сюжеты рисунков Ре-Ми были необыкновенно разнообразны и высмеивали не только любые проявления обывательщины и пошлости, но и имели выраженное политическое звучание. В начале февральских революционных событий Ре-Ми, как и многие его коллеги в то время (но только не Аверченко!), был сторонником левых убеждений. Весной 1917 года в «Новом Сатириконе» появились его едкие карикатуры на царя, а в из-

дательстве «Парус» при его участии вышла серия антимоноархических лубочных плакатов. Но дальнейшие события изменили взгляды художника. Человеку порядка, ему претил социальный хаос, да и деятельность послеоктябрьского «Сатирикона» кардинально отличалась от дореволюционной версии, становясь при этом открыто антисоветской. Летом 1918 года журнал был запрещен. С умением Ре-Ми владеть карандашом он мог бы легко перейти в «левый» фланг и быть включенным в творческую жизнь новой страны, как, например, его бывшие коллеги, карикатуристы-сатириконтцы Н.Э. Радлов, А.А. Радаков, В.В. Лебедев. Трагической ошибкой считал эмиграцию своего коллеги художник Борис Ефимов. Сожалел о том, что Ре-Ми не остался в советской России, Ефимов тем не менее не мог не восхищаться его поразительной зоркостью глаза, абсолютной зрительной памятью, способностью «виртуозно схватывать любую комическую ситуацию, выражение лиц, игру деталей, пластику жестов», удивительным даром карикатуриста легко создавать композиционную и изобразительную «оркестровку» сюжета, одинаково уверенно и непринужденно использовать «и сочный живописный мазок, и острый изящный линейный контур, и прозрачную акварельную размывку, и бархатистый шершавый штрих»¹⁵.

Но Ре-Ми сделал свой выбор, последовав примеру друга Аркадия Аверченко, ненавидевшего большевизм. «Наше личное положение, как открытых противников Советов, было не по вкусу власти, и после получения официальной бумаги от комиссара по делам печати о закрытии журнала мы начали думать об отъезде из Петрограда», – вспоминал Ремизов о тревожных 1917–1918 годах¹⁶. В сентябре 1918 года, поняв, какая опасность грозит России, вместе с семьей (женой Софьей и сыном Лёней) он выехал из Петрограда, останавливаясь по пути у знакомых и родственников в Курске, потом в Николаеве, Харькове, Херсоне и, наконец, в Одессе, откуда в январе 1920 года («за десять дней до прихода красноармейцев», – читаем в автобиографии сына художника, Леонида Ремизова) они отправились в трюме третьего класса на французском военном пароходе «Дюмон д'Юрвил» в Константинополь¹⁷.

С этого момента начинается эмигрантский отрезок жизни Ре-Ми длиной в пятьдесят пять лет – период, долгое время остававшийся вне поля изучения российских исследователей. Наиболее подробная хронология жизни Николая Ремизова на «чужих берегах» впервые была собрана в биографическом словаре петербургских исследователей О.Л. Лейкинда, К.В. Махрова и Д.Я. Северюхина «Художники русского зарубежья» (1999). Краткая информация о жизни Ре-Ми дана и в исследовании А.В. Толстого «Художники русской эмиграции» (2005). О том, как складывалась судьба Н. Ремизова и его коллег Б. Анисфельда, С. Судейкина и Е. Бермана в аспекте их театральной деятельности в США, лаконично изложено в сборнике «Деятели американской культуры из России»¹⁸. В ряде других публикаций имя Ре-Ми упоминается и вовсе мельком, второстепенно, а